

На правах рукописи

Куйкина

Куйкина Евгения Сергеевна

АНТИЧНЫЕ СЮЖЕТЫ В БАЛЛАДАХ В. А. ЖУКОВСКОГО

Специальность 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Воронеж – 2016

Работа выполнена на кафедре классической филологии ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет».

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Мальчукова Татьяна Георгиевна

Официальные оппоненты: **Любжин Алексей Игоревич,**
доктор филологических наук, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», Сектор книг Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки, заведующий

Жиркова Марина Анатольевна,
кандидат филологических наук, ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина», кафедра литературы и русского языка, доцент

Ведущая организация: ФГБУН «Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (ИЯЛИ КарНЦ РАН)».

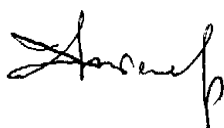
Защита состоится «21» декабря 2016 г. в 17:00 на заседании диссертационного совета Д. 212.038.14 в Воронежском государственном университете по адресу: 394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 10, ауд. 37.

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке Воронежского государственного университета и на сайте ВГУ по адресу: <http://www.science.vsu.ru/disser>

Автореферат разослан «18» ноября 2016 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Александр Анатольевич Житенев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертация посвящена изучению античных сюжетов в балладах В. А. Жуковского в контексте развития античных традиций в творчестве поэта.

Актуальность исследования определяется потребностью современной филологической науки в осмыслении античных традиций в истории русской литературы в целом и в творчестве конкретных русских писателей в частности. В последние десятилетия отечественное литературоведение, приобщаясь к трудам дореволюционных исследований, возвращается к пониманию значимости античных и христианских традиций в европейской и русской литературе.

Научная новизна работы состоит в том, что представленная диссертация является первой попыткой изучения «античных» баллад («Кассандра» 1809, «Ивиковы журавли» 1813, «Ахилл» 1812—1814, «Торжество победителей» 1828, «Поликратов перстень» 1831, «Жалоба Цереры» 1831, «Элевзинский праздник» 1833) в их связи с другими претворениями античных традиций в творчестве В. А. Жуковского, от изучения теоретико-эстетических взглядов до анализа переводов из античной лирики (второй оды Сапфо, оды Горация «К Делию»), античного эпоса (фрагментов из «Метаморфоз» Овидия, из «Энеиды» Вергилия), из «Илиады» Гомера, полного перевода «Одиссеи»), и драмы (попытки перевода трагедии Софокла «Царь Эдип»). Баллады на античные сюжеты, рассматриваются как свидетельство неослабевающего внимания поэта к античным темам, сюжетам и образам и как классический контекст к переводу «Одиссеи».

Целью исследования является изучение баллад Жуковского на античный сюжет в контексте развития античных традиций в творчестве поэта.

Задачи исследования:

- 1) прояснить осведомленность Жуковского в античной литературе;
- 2) изучить место и роль классической культуры в образовании и самообразовании Жуковского;
- 3) определить круг античных авторов, жанров и мифологических сюжетов, интересующих поэта;
- 4) выявить основные формы рецепции греческих мифологических сюжетов в творчестве Жуковского;
- 5) изучить принципы перевода Жуковского на примере «античных» баллад и переводов классических текстов от ранних опытов до итогового перевода «Одиссеи»;
- 6) проанализировать переводы Жуковского античной лирики («Сафина ода», ода «К

Делию») и античного эпоса («Цейкс и Гальциона» из «Метаморфоз» Овидия, «Разрушение Трои» из «Энеиды» Вергилия, «Отрывки из “Илиады”» и «Одиссею» Гомера) в контексте переводческих принципов Жуковского и литературно-исторической ситуации конца XVIII — начала XIX века;

7) проанализировать «античные» баллады Жуковского в контексте внимания поэта к античной словесной культуре;

8) обосновать вопрос выбора Жуковским балладного жанра как формы рецепции греческих мифологических сюжетов;

9) исследовать значение античной культуры в творчестве Ф. Шиллера и определить роль немецкого посредничества в восприятии античности Жуковским;

10) определить значение античного наследия в творчестве Жуковского, поэта кризисной эпохи смены веков и диалога культур: античности и христианства, античности и романтизма.

Объектом исследования являются печатные источники переводов Жуковского из античных авторов «Сафина ода», «К Делию», «Цейкс и Гальциона», «Разрушение Трои. Из Энеиды Вергилия», «Отрывки из “Илиады”», «Одиссея», «античных» баллад Жуковского «Кассандра» (1809), «Ивиковы журавли» (1813), «Ахилл» (1812—1814), «Торжество победителей» (1828), «Поликратов перстень» (1831), «Жалоба Цереры» (1831), «Элевзинский праздник» (1833). Также **материалом** для исследования послужило художественное, критическое, философско-эстетическое, эпистолярное наследие, опубликованные материалы архива и личной библиотеки поэта. Дополнительно привлекаются немецкие тексты баллад, письма, философско-эстетические, исторические работы Ф. Шиллера, греческие и латинские тексты античных авторов.

Предметом исследования является рецепция античной словесности в балладах Жуковского в контексте образования и самообразования поэта, изучения им классических языков и культуры, переводов из античных авторов.

Методологическую и теоретическую основу диссертации составили работы по рецепции античного наследия в европейской и отечественной словесности (С. С. Аверинцев, М. М. Бахтин, А. К. Гаврилов, М. Л. Гаспаров, Ф. Ф. Зелинский, С. А. Кибальник, Г. С. Кнабе, Е. П. Литинская, А. И. Любжин, Т. Г. Мальчукова, А. В. Михайлов, Е. Н. Свиясов, Л. И. Савельева, А. А. Тахо-Годи, О. В. Творогов, Т. А. Шарыпина), работы по сравнительному литературоведению (М. П. Алексеев, А. Н. Веселовский, В. М. Жирмунский). При изучении истории русской литературы XVIII–XIX веков и специально по творчеству Жуковского наиболее важными стали работы В. Э. Вацура, Н. Ж. Ветшевой, Г. А. Гуковского, Э. М. Жиликовой, Р. В. Иезуитовой, Ф. З. Кануновой, В. Н. Касаткиной, С. А. Кибальника, В. И. Кулешова, О. Б. Лебедевой, Ю. М. Лотмана, Ю. В. Манна, В. М. Марковича, С. А. Матяш,

Н. Б. Реморовой, И. М. Семенко, Г. Ф. Фридлиндера, С. Е. Шаталова, А. С. Янушкевича, В. Н. Ярхо. По теории и истории перевода и специально по переводам Жуковского из Шиллера основополагающее значение имели работы С. С. Аверинцева, В. Бенямина, В. В. Биbihина, Н. К. Гарбовского, А. А. Дерюгина, А. Н. Егунова, В. Н. Комиссарова, Ю. Д. Левина, С. В. Тураева, Г. А. Чупиной, Е. Г. Эткинда, В. Е. Чешихина. Восприятие русским поэтом немецкой словесности и особенно поэзии Ф. Шиллера рассматривали О. Б. Лебедева, Н. Е. Никонова, Г. И. Ратгауз, Н. Б. Реморова, С. В. Тураев, В. Е. Чешихин. История и поэтика балладного жанра представлена в работах М. П. Алексеева, Д. М. Балашова, Н. Ж. Ветшевой, И. Ю. Виницкого, Ц. С. Вольпе, Э. М. Жилияковой, Р. В. Иезуитовой, Н. В. Измайлова, В. М. Марковича, С. А. Матяш, А. С. Немзера, В. Я. Проппа, И. М. Семенко, А. С. Янушкевича.

Тема диссертационного сочинения, поставленные цель и задачи определили выбор рецептивного, историко-литературного, историко-типологического, культурно-исторического, сравнительно-исторического, мифологического, формального и биографического подходов к анализу литературных явлений.

Научная новизна. В работе впервые исследуются античные баллады Жуковского в их связи с античными традициями в творчестве Жуковского от теоретико-эстетических взглядов поэта до анализа переводов античных авторов. Устанавливаются античные источники баллад, в том числе ранее неизвестные, изучение которых позволяет сделать выводы об осведомленности Жуковского (и дополнительно Ф. Шиллера) в греческой культуре. «Античные» баллады рассматриваются как классический контекст к переводу «Одиссеи» – главного труда Жуковского.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту

1. На основании изучения поэтического, критического и эпистолярного наследия Жуковского, а также материалов библиотеки поэта и биографических данных установлено, что следование классической традиции имело важное значение в творчестве Жуковского, поэта, переводчика, литературного критика эпохи романтизма.

2. Освоение Жуковским балладного жанра было тесно связано с осмыслением теоретических идей и художественных открытий немецких поэтов Ф. Шиллера и Г. А. Бюргера.

3. В результате изучения материалов библиотеки Жуковского, его эпистолярного наследия и эстетических работ, а также творческой биографии Ф. Шиллера установлены новые источники «античных» баллад («Илиада» Гомера, Гомеровы гимны, трагедии Эсхила «Агамемнон», «Прометей прикованный», трагедия Софокла «Филоклет», «История» Геродота, «География» Страбона, и «Описание Эллады» Павсания).

4. В баллады на античные сюжеты Жуковский привносит такую особенность гомеровского стиля, как составные эпитеты, а также, ориентируясь на теорию «трех штилей» М. В. Ломоносова, использует славянизмы как средство архаизации и создания высокого стиля.

5. В результате изучения теоретических работ Жуковского о переводе 1809—1810 годов «О басне и баснях Крылова» (1809), «Радамист и Зенобия» (1810), «О переводах вообще, и в особенности о переводах стихов» (1810), определяется, что в первоначальных опытах перевод воспринимался Жуковским как *воссоздание* духа и формы подлинника, что давало возможность переводчику проявить свое творческое дарование, создать совершенное произведение и выступить соперником оригинального автора.

6. Позже, в переводах эпических памятников («Слово о Полку Игореве» в 1817—1819 годы, «Цейкс и Гальциона» из «Метаморфоз» Овидия в 1819 году, «Разрушение Трои» из «Энеиды» Вергилия в 1822 году, «Отрывки из “Илиады”» в 1828 году, «Одиссея» в 1842—1849 годы и др.), Жуковский по возможности стремится к дословной точности.

7. В результате сравнительного анализа языка перевода и оригинальных текстов в работе составлены списки составных эпитетов, неологизмов, эквивалентов иноязычных поэтических формул, которые обновили поэтический стиль Жуковского и обогатили русский литературный язык.

8. Античные темы и мотивы переосмыслены Жуковским в контексте христианских идей милосердия, смирения и всепрощения.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что результаты исследования могут быть использованы в истолковании наследия Жуковского в контексте культурно-исторического процесса и выявлении духовных истоков его творчества.

Практическая значимость диссертации определяется возможностью ее использования в издательском деле при составлении комментариев к текстам Жуковского, а также при чтении лекционных курсов по истории русской литературы первой половины XIX века.

Апробация работы. Основные положения настоящего исследования были отражены в докладах на международных научных конференциях: «Россия и Греция: диалоги культур» (Петрозаводск, 2007); «Духовные начала русского искусства и просвещения» («Никитские чтения», Великий Новгород, 2013); на научно-методических семинарах по проблемам преподавания и изучения дисциплин классического цикла (Н. Новгород, 2007, 2011); в статьях, выполненных при поддержке грантов РГНФ в 2007—2015 годы. По теме диссертации опубликовано 14 работ.

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, четырех глав, Заключения и Списка литературы, включающего 382 наименования. Объем работы составляет 262 страницы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность темы; определены объект и предмет исследования; сформулированы основные цели и задачи; выдвинута гипотеза исследования; определена его теоретическая и методологическая основа, источники и методы исследования; охарактеризованы аспекты научной новизны; сформулированы положения, выносимые на защиту, теоретическая и практическая значимость исследования; представлены результаты ее апробации.

В **первой главе «Античная культура образования и раннем творчестве В. А. Жуковского»** выявляются античные элементы в эпистолярном, эстетико-теоретическом, художественном наследии поэта-романтика, образовании и творческой деятельности Жуковского, проясняется сложная природа его романтизма, исследуются взгляды поэта на перевод, анализируются первые переводы античной лирики (стихотворения «Сафина ода» и «К Делию») и ранние «античные» баллады («Кассандра», «Ивиковы журавли», «Ахилл»), рассматриваются теоретические вопросы, связанные со значением античных традиций в русской литературе на рубеже XVIII—XIX веков. При оценке переводов Жуковского из античных авторов, при анализе гекзаметрических опытов, при изучении мифологических тем, сюжетов и образов в «античных» балладах необходимо иметь в виду их связь с источником — греко-римской античной словесностью, которая была образцом для европейской, а также русской словесной культуры.

В разделе **1.1. «Осведомленность В. А. Жуковского в античной традиции»** представлен обзор биографического материала, эпистолярного, эстетического наследия Жуковского, на основании которого установлено, что традиции греко-римской античной культуры составляют важную часть в образовании и литературной деятельности поэта и переводчика, имеющего репутацию корифея русского романтизма. Восприятию и творческой интерпретации античного наследия способствовало образование, полученное Жуковским в Благородном пансионе при Московском университете, а также последующие годы самообразования. Уже в ранних записях 1800-х годов молодой поэт планирует изучение классических языков, чтение и переводы латинских и греческих авторов, а также чтение книг по истории и теории античной словесности. О значении античной культуры в становлении европейского искусства было известно Жуковскому из теоретических трактатов западноевропейских теоретиков, философов, писателей и поэтов XVIII — начала XIX века (Ш. Баттё, Х. Блера, И. Гердера, И.-Г. Зильцера, Ж.-Ф. Лагарпа, Ж.-Ф. Мармонтеля, И.-И. Эшенбурга).

Античные образцы воспринимались поэтом через посредство более ранних литературных

отражений античных памятников в английской, немецкой, французской и русской литературах. Состав библиотеки, письма, примечания Жуковского к первым публикациям переводов свидетельствуют о том, что поэт, наряду с переводами-посредниками, также обращался к первоисточникам. Критические статьи и заметки «О басне и баснях Крылова», «О сатире и сатирах Кантемира», «Московские записки», «Радамист и Зенобия», «Электра и Орест», обнаруживают осведомленность Жуковского в античной литературе. В статье «О поэзии древних и новых» поэт признает основополагающее значение античной словесности в становлении европейской и русской литературы.

Не зная древних языков, Жуковскому трудно было переводить древних авторов. Поэт всю жизнь занимался самообразованием, самостоятельным изучением классических языков, в полной мере сознавая необходимость получения «фундаментального знания»¹. В ранний период творчества Жуковский переводит вторую оду Сапфо (1806) и оду Горация «К Делию» (1809). Позже Жуковский осваивает античный гекзаметр и в 1819 году переводит отрывок из латинского эпоса, из XI книги «Метаморфоз» Овидия (стихи 410—748) – «Цейкс и Гальциона»; в 1822 году – II песню из «Энеиды» Вергилия – «Разрушение Трои»; в 1828 году – «Отрывки из “Илиады”». Перевод «Одиссеи» Гомера в 1842 по 1849 годы стал главным поэтическим трудом русского поэта.

Освоение Жуковским балладного жанра тесно связано с осмыслением теоретических идей и художественных открытий немецких поэтов Ф. Шиллера и Г. А. Бюргера. Жуковский перевел шесть «античных» баллад Ф. Шиллера («Кассандра», «Ивиковы журавли», «Поликратов перстень», «Торжество победителей», «Жалоба Цереры» и «Элевзинский праздник»), а одну, «Ахилл», сочинил по их образцу.

Веймарскому классику Ф. Шиллеру, творчество которого формировалось «в атмосфере европейского предромантизма»², был присущ устойчивый интерес к античной культуре и словесности. Письма, исторические, эстетико-философские сочинения Шиллера свидетельствуют о внимательном чтении и изучении памятников древности. Античность постоянно присутствует в художественном творчестве Шиллера в виде сюжетов, образов, метафор, мотивов. Эпиграммы, философские стихотворения, баллады, драматические произведения являются «яркими примерами романтического классицизма»³ и свидетельствуют о глубоком изучении Шиллером античной литературы. Русская эстетическая мысль также воспринимала фигуру Шиллера как поэта-классика, но не чуждого и современных романтических взглядов.

¹ Переписка В. А. Жуковского и А. П. Елагиной: 1813—1852 / сост., подгот. текста, ст. и коммент. Э. М. Жиликовой; Томский гос. ун-т. — Москва: Знак, 2009. С. 651.

² Мальчукова Т. Г. Античные традиции в истории русской литературы (опыт истолкования проблемы) // Музы у зеркала: античные мотивы в русской литературе / отв. ред. А. А. Тахо-Годи. М.: Новый хронограф, 2015. С. 16.

³ Там же. С. 16.

Баллады на сюжеты из античной мифологии явились открытием Жуковского в русской литературе. Жуковский расширил тематические возможности жанра баллады.

В разделе **1.2 «Взгляды В. А. Жуковского на перевод»** рассматриваются принципы художественного перевода Жуковского. В теоретических работах о переводе 1809—1810 годов «О басне и баснях Крылова», «Радамист и Зенобия», а также в первоначальных опытах Жуковский воспринимает перевод как *воссоздание* духа и формы подлинника, что давало возможность переводчику проявить свое творческое дарование, создать совершенное произведение и выступить соперником оригинального автора. В статье «О переводах вообще, и в особенности о переводах стихов» Жуковский отмечает, что «переводы обогащают язык», что «посредством их переходит в язык множество оборотов, образов, выражений»⁴. Позже, в переводах эпических памятников («Слово о Полку Игореве» в 1817—1819 годы, «Цеикс и Гальциона» из «Метаморфоз» Овидия в 1819 году, «Разрушение Трои» из «Энеиды» Вергилия в 1822 году, «Отрывки из “Илиады”» в 1828 году, «Одиссея» в 1842—1849 годы и др.), Жуковский по возможности соблюдает также буквальную точность. Баллады на античные сюжеты, хронологически и тематически близкие к переводам Жуковского из античного эпоса, также обнаруживают искусство поэта передать оригинальные тексты языком «гармонической точности».

А. С. Пушкин в работе «О Мильтоне и о Шатобриановом переводе “Потерянного рая”» (1836) выражает свое понимание проблемы перевода и говорит о двух традициях перевода: о подстрочном переводе – «слово в слово» и об «исправительном переводе»⁵. Не отдавая предпочтения тому или другому виду перевода в отдельности, А. С. Пушкин говорит о необходимости диалектического единства буквальной точности и верности духу подлинника. Пушкинское понимание художественного перевода было близко Жуковскому.

Современная теория и практика перевода приходит к пониманию недостижимости «абсолютной тождественности перевода оригиналу»⁶ и к оправданию «неточностей» переводов Жуковского, принятию его творческих интерпретаций произведений мировой литературы и признанию Жуковского «одним из величайших мастеров перевода за всю историю этой деятельности»⁷. Переводческие стратегии Жуковского анализируются в русле современных представлений филологической науки о художественном переводе.

В разделе **1.3 «Первоначальные переводы В. А. Жуковского античных образцов»** рассматриваются обращения поэта к античной греко-римской словесности в 1800-е годы.

⁴ Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. М. : Языки русской культуры. 2012. Т. 12 : Эстетика и критика. С. 311.

⁵ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 17 т. / [ред. ком. М. Горький и др.] ; Рос. акад. наук, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). [Переизд.]. Москва : Воскресенье, 1996. Т. 12. С. 137—146.

⁶ Комиссаров В. Н. Современное переводоведение : курс лекций. М. : ЭТС, 2000. С. 117.

⁷ Там же. С. 100.

Русская литература этого времени воспринимала античное наследие, с одной стороны, посредством собственной культурной традиции⁸, с другой стороны, через посредство французского классицизма, претворение и переводы античных подлинников в европейской словесности, и, постепенно освобождаясь от влияния французского вкуса, в поисках обновления и преображения художественного слова, ориентировалась непосредственно на античные образцы. Появляются разнообразные реминисценции античного наследия в образах, темах, сюжетах, жанровых формах, а также переводы греческих и латинских текстов и подражания античным авторам, в частности Сапфо, Анакреону и Горацию. В ранний период своего творчества Жуковский воссоздает традиции античной поэзии в жанрах оды, элегии, послания, басни, эпиграммы, ориентируется на сюжеты, образы и темы произведений античных поэтов, обращается к переводу оды Сапфо и оды Горация. Рассмотрению этих переводов посвящены разделы 1.3.1 и 1.3.2 первой главы.

1.3.1 «Стихотворение “Сафина ода” (1806)». При переводе второй оды греческой поэтессы Сапфо в 1806 году Жуковский опирался на французские источники — перевод Н. Буало и перedelку Ж. Делиля. Строфическая структура, которую выбрал Жуковский, напоминает графический образ античного метра. Первые три стиха каждой строфы написаны рифмованным шестистопным пиррихированным ямбом, заключительный же стих каждой строфы — в два раза короче — трехстопным ямбом. Сохранившиеся рукописи Жуковского, обнаруженные В. И. Резановым в фондах Императорской Публичной Библиотеки (Бум. Жук., № 12, л. 22), позволяют восстановить работу поэта над переводом. Указание жанра переводного стихотворения в заглавии «Сафина ода» видится неслучайным. В этом стихотворении Жуковский воссоздает античный жанр оды в ее первоначальном смысле лирической песни, от греческого ᾠδή — песня.

1.3.2 «“К Делию” (1809) – перевод оды Горация (Carm. II, 3)». Стихотворение Жуковского «К Делию» было написано Жуковским в 1809 году и представляет собой свободный перевод оды (II, 3) римского поэта Квинта Горация Флакка (65—8 до н. э.). В переводе изменилось имя адресата. Вместо «Деллий» (лат. Dellius, Квинт Деллий – друг Горация), у Жуковского — Делий (лат. Delius). «Делий» — условное имя, которое может обозначать друга, собеседника, читателя. Исследователи указывают, что Жуковский переводил

⁸ См.: Айналов Д. В. Эллинистические основы византийского искусства. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1900. IV, 229 с.; Соболевский А. И. Переводная литературы Московской Руси XIV—XVII веков. СПб. : тип. Имп. Акад. наук, 1903. VIII, 460 с.; Радциг С. И. Античное влияние в древнерусской культуре // Вопросы классической филологии. М., 1971. Вып. 3—4. С. 3—65; Фонкич Б. Л. Греческо-русские культурные связи в XV—XVII вв. : греческие рукописи в России / АН СССР, Ин-т всеобщей истории. М. : Наука, 1977. 247 с.; Лазарев В. В. Византийское и древнерусское искусство : статьи и материалы. М. : Наука, 1978. 335 с.; Славятинская М. Н. Греко-славянские культурно-политические и языковые отношения // Учебное пособие по древнегреческому языку. М., 1988. С. 121—239.

оду Горация с французского подстрочника⁹. Однако можно предположить, что во время работы над переводом Жуковский заглядывал также и в латинский текст, о чем свидетельствуют письма к А. И. Тургеневу этого времени, в которых поэт не раз упоминает о своих занятиях латинским языком. Жуковский меняет в переводе строфическую структуру античного подлинника – алкееву строфу – на четырехстопный ямб с перекрестной рифмовкой. Понимание жанра переводимого произведения у Жуковского оказывается близко к античному источнику – ῥοδῆ. Жуковский сохраняет метафорический стиль подлинника, но вводит новые образы, в частности, сравнение, которого у Горация нет («Пусть смерть зайдет к нам ненароком, / Как добрый, но неожиданный друг»), олицетворения, новые выразительные эпитеты. Изменения подлинника (например, в переводе Жуковского нет образа неумолимого Орка, языческого бога подземного царства) свидетельствуют о религиозности русского поэта, хотя и не высказанной достаточно откровенно, но угадываемой читателем. Таким образом, в «Сафиной оде» и в оде «К Делию» главные темы античной поэзии – темы любви, дружбы, жизни и смерти – переосмыслены у Жуковского в контексте христианской этики.

В разделе 1.4 «Ранние “античные” баллады В. А. Жуковского» внимание обращено на «античные» баллады 1809—1814 годов – «Кассандра», «Ивиковы журавли», «Ахилл». Баллада «Ахилл» – оригинальная, «Кассандра» и «Ивиковы журавли» – переводы из Ф. Шиллера. Исследуется материалы литературной полемики вокруг баллад Жуковского.

В подразделах диссертации 1.4.1 «Баллада “Кассандра” (1809)» и 1.4.2 «Баллада “Ивиковы журавли” (1813)» подробно анализируются известные («Мифы» Гигина, трактат Плутарха «О болтливости», «Царь Эдип» Софокла, «Энеида» Вергилия», эпиграммы Греческой антологии) и определяются новые античные источники балладных сюжетов («Илиада» Гомера, трагедии Эсхила «Агамемнон» и «Эвмениды»).

Жуковский сохраняет метрику, строфику, рифму немецких подлинников. Изменения касаются стиля и идеи произведений: поэт-переводчик смягчает грубые элементы стиля, опоэтизирует обстановку, дополняет перевод «страшными» подробностями, вводит индивидуальные авторские эпитеты, усиливает эмоциональность (с помощью антитез, лексических повторов, междометий). Найденные Жуковским лексические эквиваленты шиллеровских выражений («блажен, кто...», «Зевес-хранитель», «персти чада», «покров венчальный», «свыше откровенье», «священный страх», «скромные чада», «смертная

⁹ Ц. С. Вольпе пишет о переводе Жуковского: «Вероятно, он пользовался французским изданием латинского текста с прозаическим переводом» (См.: Жуковский В. А. Стихотворения : в 2 т. / ред. и примеч Ц. Вольпе. Л. : Советский писатель, 1940. Т. 2. С. 503). А. С. Янушкевич указывает, что «Жуковский переводил с прозаического подстрочника, пользуясь французским изданием латинского текста, опубликованного en regard с французским переводом (Les Poésies complètes d'Horace. Traduites par Batteaux et F. Peygard. T. 1—2. P., 1803. См.: Библиотека В. А. Жуковского: описание ... № 1339. С. 190—191). См.: Янушкевич А. К Делию («Умерен, Делий, будь в печали...») : [примечания] // Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 1. С. 540.

скудель»), а также планомерные замены заносчивых, грубых выражений («город вечных слепцов», «злой бог» и т. п.) мягкими («жилище скромных чад», «О предведения взор») наполняют античные сюжеты христианским смыслом. В балладе «Ивиковы журавли» исследуется замена имени героя, убийцы Ивика. У Шиллера *Timotheus* (Тимофей, букв. *почитающий Бога* от греч. *τιμάω* – *ценить, чтить, почитать* + *Θεός* – *Бог*). У Жуковского Парфений (от греч. *παρθένος* – *неженатый, целомудренный, девственный, чистый*). Анализ внутренней формы этих греческих, по своему происхождению, имен, позволяет признать замену Жуковского вполне равнозначной. Оба имени («Почитающий Бога» и «Целомудренный») не соответствуют поступку героя и выполняют в оригинальном тексте и в русском переводе баллады стилистическую роль антитезы.

В подразделе **1.4.3 «Греческие источники баллады “Ахилл” (1812—1814)»** анализируется оригинальная «античная» баллада Жуковского, в которой выявляются реминисценции «Илиады» Гомера : описание Ахилла, скорбящего о смерти Патрокла (XXIV, 10—12); Ахилл, играющий на лире (IX, 186—189); погребение Гектора (XXIV, 707—804); моление Приама о теле Гектора, склонение главы «во прах» перед Ахиллом и лобызание его руки (XXIV, 502—512); упоминание о двойной судьбе Ахилла (IX, 410—416), предсказание коней (XIX, 399—423); явление Ахиллу призрака Патрокла (XXIII, 71—72). Жуковский в балладе «Ахилл» перелагает не только сцены «Илиады», но передает сведения из троянского круга мифов. Образ Неоптолема, посетившего пределы троянской земли, восходит к трагедии Софокла «Филоклет».

На основании изучения языка ранних «античных» баллад приводится список славянизмов, которые Жуковский использовал как средство архаизации и создания высокого стиля, ориентируясь на теорию «трех штилей» М. В. Ломоносова. Значение теории Ломоносова в становлении художественного слога Жуковского подтверждается теоретическими работами поэта, данными личной библиотеки, пометами на полях ломоносовских сочинений¹⁰.

Появление баллад «Кассандра», «Ахилл», «Ивиковы журавли» тесно связано с обращением Жуковского к классическому эпосу, чтением и переводами античных авторов, Гомера и Вергилия, а также чтением и осмыслением драматических произведений Эсхила и Софокла.

Во второй главе «Переводы В. А. Жуковского из античного эпоса» представлены аналитические обзоры переводов фрагментов античного эпоса («Цейкс и Гальциона» из «Метаморфоз» Овидия, «Разрушение Трои» из «Энеиды» Вергилия и «Отрывки из “Илиады”»). При переводе этих отрывков Жуковский воссоздает стихотворный размер оригинальных

¹⁰ См.: Янушкевич А. С. Жуковский и Ломоносов // Библиотека В. А. Жуковского в Томске : в 3 ч. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1978. Ч. 1. С. 56.

текстов – гекзаметр.

В разделе 2.1 «**“Цейкс и Гальциона” (1819) – отрывок из “Метаморфоз” Овидия в переводе В. А. Жуковского**» в сравнении с латинским оригиналом исследуется перевод Жуковского эпизода из овидиевых «Метаморфоз» (XI, 410—478). Перевод отрывков из Овидия был задуман поэтом еще в 1804—1805 годы. В 1814 году молодой поэт задумывал написать баллады на сюжеты из «Метаморфоз» – в списке задуманных для сочинения баллад значилось «Ацис и Алциона». Это название объединяет два мифологических сюжета из «Метаморфоз» Овидия: «Акид и Галатея» (XIII, 740—897) и «Кейк и Алкиона» (XI, 410—748).

Таким образом, сюжет, задуманный поэтом для баллады в 1814 году реализовался в 1819 году в форме гекзаметрического перевода отрывка из латинского эпоса – «Цейкс и Гальциона», где имена героев переданы по позднелатинскому произношению: Сеух – Цейкс; Halcyone (вариативное написание без «придыхания» Alcyone) – Гальциона. Гекзаметрический перевод Жуковский выполнил с латинского подлинника, однако обращался и к новоевропейским переводам-посредникам. Особенностью перевода является лаконизм – в тексте 328 строк передают 336 строк латинского подлинника. Поэт стремился не только к краткости, но и к точности перевода, избегая сознательного распространения текста. Непрерывности гекзаметрического сказа способствует у Жуковского enjambement, то есть перенос незаконченной фразы с одной строки на другую. Овидий оказался близок русскому поэту психологизмом в описании характеров. Жуковский добавляет в перевод междометия, притяжательные местоимения «своя», «мой»: «к *своей* Гальционе», «*свою* Гальциону», «Милый супруг *мой*», использует многоточия для обозначения эмоциональных пауз.

В разделе 2.2 «**“Разрушение Трои” (1822) – перевод второй книги из “Энеиды” Вергилия**» в сравнении с латинским оригиналом исследуется гекзаметрический перевод целой книги из латинской поэмы «Энеида» Вергилия. Жуковский выбирает для перевода одну из самых трагических глав «Энеиды», демонстрируя этим постоянство своего интереса к Троянскому кругу мифов. Во второй книге «Энеиды» главный герой повествования, Эней, рассказывает о падении Трои, о том, что не досказал Гомер в «Илиаде» и что предполагалось уже известным в «Одиссее». Эпизоды повествования о смерти Гектора, гибели Приама, пленении Кассандры, гибели ее жениха, о прибытии Неоптолема, сына Ахилла, под Трою соотносятся с сюжетами ранних «античных» баллад Жуковского – «Кассандра» (1809) и «Ахилл» (1812—1814).

Перевод второй книги «Энеиды» Вергилия выполнен Жуковским с латинского языка с привлечением европейских переводов-посредников. Жуковский отнесся к переводу поэмы Вергилия с пиететом и отказался дописывать незавершенные вергилиевские стихи: 66, 233, 346, 614, 623, 640, 720, 767. Двусложные хореические стопы перевода сближают русский

тонический гекзаметр с латинским стихом Вергилия, для которого характерно обилие двусложных спондеических стоп. Жуковский сохраняет «анжамбеманное» течение латинской фразы, использует многоточия для определения эмоциональных пауз латинского текста. Живость, наглядность художественных образов характерна для стиля Вергилия. Интуиция подсказала Жуковскому ввести в перевод выражения, которые передавали бы эмоциональное содержание подлинника. Так, в стихах о гибели Приама: «Закипело Приамово сердце...» (ст. 528); «О чудовище!» (ст. 530); «яростно» (ст. 541); «беспощадно» (ст. 543). Мастерство Жуковского-переводчика воплотилось в переводе кратких, афористических, выражений. Приводятся списки отсутствующих в подлиннике сложных образований, отсылающих к гомеровской традиции, а также славянизмов, слов и выражений с христианской коннотацией.

Раздел **2.3 «“Отрывки из ‘Илиады’” (1828)»** посвящен анализу 600 строк перевода отрывков из VI (стихи 390—502), XVII (стихи 708—734), XVIII (стихи 2—180, 202—242, 284—312, 315—353), XIX (стихи 1—39, 238—247, 303—424) и XX (1—66) песен «Илиады», соединенных тридцатью пятью гекзаметрическими стихами собственного сочинения Жуковского, а также 215 недоработанных стихов подстрочного перевода, обнаруженных Н. Е. Никоновой в библиотеке поэта. Отрывки, выбранные Жуковским для перевода, о расставании Гектора и Андромахи, гибели Патрокла, горевании Ахилла, приготовлении Ахилла к решающей битве с Гектором сопоставимы с сюжетами, разрабатываемыми Жуковским в балладах о Троянской войне – «Кассандра» (1809), «Ахилл» (1812—1814) и «Торжество победителей» (1828).

Переводами-посредниками при переводе «Отрывков...» служили переводы Иоганна Генриха Фосса (1751—1826) – немецкого, поэта-переводчика, ученого-эллиниста, филолога-классика и немецкого поэта Фридриха-Леопольда цу Штольберга (1750—1819). Оригинальная транслитерация личных имен – Эрмес (Ἑρμῆς), Ксант (Ξάνθος), Ифест (Ἴφαιστος), Посидон (Ποσειδάων) – свидетельствует об обращении Жуковского к греческому первоисточнику. Приводятся списки составных эпитетов в сравнении с греческим оригиналом.

При обращении к античному эпосу Жуковский выбирает трагические, кульминационные эпизоды, в которых звучит тема судьбы и рока, стремится к дословности при переводе составных эпитетов – важного элемента гомеровского стиля, использует славянизмы для создания возвышенной обстановки древности, метафоры, олицетворения, а также лексические повторы, междометия для драматизации событий. Античные образы, мотивы и темы поэт переосмысливает в контексте христианских идей милосердия, смирения и всепрощения. Интерпретация мифологических сюжетов при переводе фрагментов из античного эпоса оказывается близкой к трактовке Жуковского античных сюжетов в балладном жанре.

В третьей главе «Рецепция греческих мифологических сюжетов в позднем

балладном и драматургическом творчестве В. А. Жуковского» исследуются поздние переводы «античных» баллад Ф. Шиллера («Торжество победителей», «Поликратов перстень», «Жалоба Цереры», «Элевзинский праздник»), а также античный сюжет о царе Эдипе в восприятии Жуковского.

Раздел диссертации **3.1 «Поздние “античные” баллады В. А. Жуковского»** состоит из четырех подразделов **3.1.1 «Гомеровский эпос в балладе “Торжество победителей”» (1828)», 3.1.2 «“История” Геродота и баллада “Поликратов перстень” (1831)», 3.1.3 «Античные источники баллады “Жалоба Цереры” (1831)», 3.1.4 «Баллада “Элевзинский праздник” в свете античных традиций (1833)», где подробно исследуются известные и определяются новые источники «античных» баллад («История» Геродота, «Илиада» Гомера, Гомеровы гимны, «Описание Эллады» Павсания, «География» Страбона, трагедия Эсхила «Прометей прикованный»). Изучение состава библиотеки поэта позволяет сделать вывод о знакомстве Жуковского с античными источниками балладных сюжетов.**

В подразделе **3.1.1. «Гомеровский эпос в балладе “Торжество победителей”» (1828)»** исследуются реминисценции гомеровских поэм, анализируется перевод Жуковским формульных выражений, постоянных эпитетов, метафор. Речи персонажей баллады передают основные события Троянской войны. Герои вспоминают подвиги Агамемнона, Ахилла, Аякса, Гектора, Менелая, Неоптолема, Одиссея, Париса, Патрокла, падение Трои, взятие пленных, возвращение греков домой. Перевод В. А. Жуковского баллады «Торжество победителей» вышел в свет в альманахе «Северные цветы на 1829 год» (СПб., 1928. Отд. 2, 3—9), где были напечатаны также «Отрывки из “Илиады”» (СПб., 1928. Отд. 2, 76—119), что свидетельствует о внутреннем единстве этих двух произведений. Сложный эпитет в гомеровском духе «острогрудые» (корабли), который Жуковский открыл при переводе «Отрывков из “Илиады”», вновь встречается в «Торжестве победителей» (у Шиллера: «hohen Schiffen» – «высокие корабли»), что объединяет два перевода Жуковского – «Отрывки из “Илиады”» и балладу «Торжество победителей» – не только на уровне образов и тем, но и на стилистическом уровне.

В подразделе **3.1.2. «“История” Геродота и баллада “Поликратов перстень” (1831)»** выявляются реминисценции «Истории» Геродота в балладе «Поликратов перстень». Ф. Шиллер воспроизводит античное религиозное мировоззрение, верование в то, что чрезмерное счастье человека вызвало зависть богов. Тиран Поликрат у Ф. Шиллера счастлив. «Сознайся, что я счастлив» – «Gestehe, dass ich glücklich bin», – таково первое обращение Поликрата к Амасису. Далее слова «счастье» и «счастливый» повторяются в немецком тексте баллады многократно. Жуковский в переводе баллады один раз переводит слово «счастье» в первой строфе: «Сколь счастлив я между царями». В последующих строфах Жуковский заменяет его словом «судьба», «судьбина», «Фортуна», «рок», «невидимые власти», «незримые власти», либо оставляет без

перевода. Подобное же изменение немецкого подлинника происходит в строках, где говорится о зависти богов. Жуковский осмысливает античный миф с позиции христианского мировоззрения. В русском переводе нет «зависти богов». У Жуковского боги «благоприятны» и «благодеют». Вместо земного, временного счастья поэт вспоминает о «вечных благах», а «печаль» видится поэту необходимой и естественной на жизненном пути. Баллада на античный сюжет становится у Жуковского балладой-притчей.

Подраздел **3.1.3 «Античные источники баллады “Жалоба Цереры” (1831)»** изучает новые источники мифологического сюжета баллады. Миф о богине Церере (Деметре) находит отражение в некоторых античных памятниках: в поэмах Гомера «Илиада» (V, 499 и сл., X, 536 сл.) и «Одиссея» (V, 125 сл.), в поэмах Гесиода «Теогония» (453 и 969 сл.) и «Труды и дни» (391 и сл. и 465), в «Описании Эллады» Павсания (2, 5, 8 и 8, 25, 5), в поэме Овидия «Метаморфозы» (VI, 650), в «Мифологической библиотеке» Гигина (259). Важным свидетельством является «Гомеровский гимн Деметре» (V). В V Гомеровском гимне этот миф представлен подробно.

При написании баллады Ф. Шиллер опирался на изложение драматического сюжета (поиски Деметрой своей исчезнувшей дочери) в V Гомеровском гимне «К Деметре», однако изменил имя героини в соответствии с европейской (латинской) традицией – Церера.

Изучение состава библиотеки Жуковского позволяет сделать вывод, что поэт был знаком с V Гомеровским гимном «К Деметре» в немецком переводе. Мифологический сюжет о похищении Прозерпины поэт знал также по поэме Овидия «Метаморфозы» (V книга, стихи 360—408) и даже планировал сделать гекзаметрический перевод отрывков из поэмы. Баллада, как и Гомеровский гимн «К Деметре» (стихи 1—32), начинается изображением природы. Описание поисков Церерой своей дочери во второй строфе соответствует стихам 39—97 Гомеровского гимна. Ф. Шиллер обогащает и изменяет античный миф – добавляет отсутствующее в V Гомеровском гимне описание подземных рек и Харона. Церера в балладе желает смертной участи, что соотносит балладный образ Цереры с Фетидой из «Илиады» Гомера (XVIII, 52—60 и 86—90). Жуковский усиливает трагизм с помощью лексических повторов, эмоциональных эпитетов, восклицательных предложений, риторических вопросов. Прозерпина в балладе не возвращается к матери из подземного царства, как это было в античном мифе (V Гомеровский гимн, 334—433) и являлось ключевым моментом в древнегреческой религии. В честь этого события в Греции отмечались Элевсинские мистерии. В балладе происходит примирение героини со смертью дочери при виде прорастающего зерна, оживающей весенней природы. Жуковский обогащает подлинник – добавляет в текст баллады эпитеты, которые характеризуют умирание и возрождение зерна как великую тайну: «тайные узы», «тайный дар», «таинственно слита область тьмы с страной дня». Взгляд Ф. Шиллера на

античный миф в балладе «Жалоба Цереры» был осмыслен Жуковским в Евангельском контексте.

В подразделе **3.1.4 «Баллада “Элевзинский праздник” в свете античных традиций (1833)»** исследуются источники и особенности интерпретации античного мифа в балладе «Элевзинский праздник». В основе сюжета стихотворения Ф. Шиллера – изображение празднества в честь богини плодородия и земледелия Цереры (в греческой мифологии Деметры), проводившегося благочестивыми эллинами в Элевзине. При написании баллады Ф. Шиллер ориентировался на V Гомеровский гимн «К Деметре», структура которого восходит к древнейшей культовой практике. Драматический характер элевзинских мистерий передается в балладе Ф. Шиллера полиметрией. Поэт-переводчик сохраняет полиметрию оригинала. Правда, первая, четырнадцатая и двадцать седьмая строфы, написанные у Ф. Шиллера дактилем, Жуковский передал балладным размером – разностопным амфибрахием.

Описание первобытного обездоленного человечества, лишённого божественной милости, обучение их земледелию и выращиванию злаков было общим местом в греческой истории, литературе, риторике, философии. Жуковский заостряет характеристику догражданского общества: в первом стихе в русском тексте сразу три эпитета: «Робок, наг и дик», в то время как в немецком тексте один эпитет: «Scheu» – «робкий». Появление в переводе Жуковского слов, отсутствующих в оригинале баллады Ф. Шиллера: *чудо* («И чудо проникло в сердца дикарей») и *вера* (И сладкой сердца растворилися верой), позволяет говорить о том, что Жуковский понимал историческое развитие как «нравственное образование»¹¹, как развитие в людях лучших личностных качеств, как духовное возрождение.

Ф. Шиллер обогащает античный миф о богине Церере аретологическими (от греч. ἀρετή – доблесть, добродетель) мифами о других античных божествах: об Аполлоне, Афине, Диане, Каменах, Посейдоне, Прометее, Фемиде, Цибеле, Юноне. Таким образом, Ф. Шиллер следует древнейшему жанру античной поэзии – гимнической песне. Поэты древности писали гимнические песни многим богам: Аполлону, Гермесу, Афине, Гефесту, Дионису, Зевсу, Посейдону, Прометею, Афродите, Аресу, Гераклу и другим. В честь богов устраивались празднества, спортивные состязания, театральные представления, священные процессии, мистерии. В балладе «похвалы богам» соединены в едином произведении.

Составные эпитеты в переводе Жуковского способствуют созданию античного колорита и отсылают читателя к гомеровской традиции. У Шиллера нет гомеровских эпитетов. Введение составных (гомеровских) эпитетов в текст баллады Жуковского может быть обусловлено особым вниманием русского поэта к Гомеру.

Тексты «античных» баллад сравниваются с немецкими оригиналами. Формальная

¹¹ Канунова Ф. З. Вопросы мировоззрения и эстетики В. А. Жуковского. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1990. С. 17.

близость переводов к шиллеровским текстам (кроме расхождения в метрическом рисунке в балладе «Элевзинский праздник») сочетается с христианизацией мифологических сюжетов. Приводятся списки славянизмов и отмечаются присутствующие в балладах составные (гомеровские) эпитеты. В поздних «античных» балладах Жуковский более осторожен, сдержан в употреблении слов высокой славянской нормы. Славянизмы в античных балладах 1828—1833 годов встречаются в небольшом количестве. Сюда относятся краткие прилагательные: «насыщенны», «полны», «вечны»; слова: «око», «мздоимец», «рыбарь», «денницы», «заветный», «зиждущей», «втуне»; синтаксические архаизмы: «око преклонял», «взыскан богами». Сложные слова с корнем «благо», заимствованные из греческого языка и используемые в богослужении и духовных книгах – «благоволенье» («Поликратов перстень»), «благовониями», «благоуханьем» (Жалоба Цереры), «благословляет», «благородство» («Элевзинский праздник») – наполняют вечные сюжеты «античных» баллад христианским смыслом.

В разделе **3.2 «Миф о царе Эдипе в творчестве В. А. Жуковского»** исследуется интерпретация Жуковского античного мифа об Эдипе от изучения мифологического родословия при чтении «Библиотеки» Аполлодора в 1810–1811 годы и составления первоначального плана трагедии до попытки перевода фрагмента объемом 179 стихов трагедии Софокла «Царь Эдип» в 1843 году. Жуковский переводил, обращаясь к близкому к греческому источнику немецкому переводу Доннера, не соблюдая метрический рисунок, соединяя разные фрагменты из пролога и первого эпизода трагедии. В работе приведен сопоставительный анализ перевода Жуковского с оригинальным греческим текстом. Жуковский несколько меняет акценты в речи главного героя, подчеркивает смирение Эдипа, скромность. Нравственный пафос трагедий Софокла, который Жуковский отметил для себя еще в начале творческого пути при чтении статьи «Софокл» немецкого филолога Христиана-Фридриха-Вильгельма Якобса (1764–1847), оказывается близок этическому кодексу «Одиссеи», над переводом которой Жуковский трудился с 1842 по 1849 годы, а также осмыслению мифологических сюжетов в балладах и переводах фрагментов из античного эпоса. В работе приводятся составные эпитеты (важная черта гомеровской эпической традиции) в переводе Жуковского.

Четвертая глава диссертации «Поэма Гомера “Одиссея” в интерпретации В. А. Жуковского» посвящена изучению языка и стиля перевода. Жуковский переводил «Одиссею» в 1842—1844 и 1848—1849 годы по немецкому подстрочнику эллиниста Карла Грасгофа, который «под каждым греческим словом поставил немецкое слово и под каждым немецким – грамматический смысл оригинального»¹². Помимо немецкого подстрочника, Жуковский также располагал европейскими и русскими переводами-посредниками. Народные

¹² Жуковский В. А. Собр. соч. : в 4 т. М. ; Л. : Худож. лит., 1959. Т. 4. С. 658—659.

истоки греческой поэмы обусловили ее стиль – обилие эпических «формул» – постоянных эпитетов и повторяющихся выражений, развернутых сравнений. Воссоздание эпических «формул» в русском переводе представляло для Жуковского серьезную задачу. В работе приводятся списки постоянных эпитетов богов, героев, моря и корабля. Например, эпитеты, характеризующие ум Одиссея: πολυμήχανος (α 205, ε 203) – (πολύ – *очень, весьма*, μηχανή – *вымысел, хитрость*) – «на вымыслы хитроумен» (I, 201), «многохитростный» (V, 203); πολύτροπος (κ 330, α 1) – (собств. *многоизворотливый*, πολύ – *очень, весьма*, τροπός – *поворот*) – «многохитростный» (X, 330), «многоопытный» (I, 1); πολύφρων (α 83) – (πολύ – *очень, весьма*, φρήν – *душа, сердце, ум*) – «хитроумный» (I, 81).

При переводе «Одиссеи» Жуковский создает новые составные эпитеты, а также воскрешает свой прежний опыт и использует эпитеты, открытые им при переводе отрывков из античного эпоса, драмы и баллад на античные сюжеты. Небольшое количество сложных слов было воспринято Жуковским из перевода Н. И. Гнедича, однако подавляющее большинство Жуковский изобретает сам, находя их в греческом тексте при чтении немецкого подстрочника. Многие слова, изобретенные Жуковским вошли в словарь русского литературного языка. С. П. Шестаков, русский филолог-классик, византист конца XIX – начала XX века, справедливо заметил, что «эти эпитеты вычитаны у Гомера вдохновением Жуковского»¹³.

Эпитеты-существительные в переводе не менее выразительны, чем сложные прилагательные. Например, эпитеты-существительные корабля: «обтекатель морей» (XII, 161), «облетатель моря» (XIV, 295) при переводе слова ποντοπόρος (*мореходный, плавающий по морю*, от πόντος – *море*, πορεύω *совершать путь*); «оплыватель морей» (XV, 473) при переводе ὠκύαλος (от ὠκύς *скорый, быстрый*, ἄλς *море, солёная морская вода*). Эпитеты-существительные Посейдона: γαίηχος (α 68, θ 322, γ 55) (от γαῖα *земля*, ἔχω *имею, владею*) – «обволнитель земли» (I, 67); Нестора: ἵππόδαμος (γ 17) (от ἵππος *конь* и δαμάω *укрощать, обьежживать*) – «коней обуздатель» (III, 17); Аполлона: ἑκατηβόλος (θ 339) (от ἑκάς *далеко*, βάλλω *бросать, кидать стрелу или копье*) – «стреловержец» (VIII, 339).

При передаче гомеровских «формульных» стихов, часто повторяющихся в «Илиаде» и «Одиссее»: Ἦμος δ' ἠριγένεια φάνη ῥοδοδάκτυλος Ἠώς – «Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос» (III 491); ἔπεα πτερόεντα προσηύδα (α 122) – «бросил крылатое слово» (I, 120) Жуковский отходит от найденных Гнедичем эквивалентов.

Перевод «Одиссеи» эквиметричный, эквилинеарный. Жуковский стремился к буквальной

¹³ Шестаков С. П. В. А. Жуковский как переводчик Гомера. Казань : Типо-лит. Имп. ун-та, 1902. С. 12.

точности в передаче важных элементов гомеровского стиля – лексико-метрических формул, постоянных эпитетов, сравнений. На перевод «Одиссеи» оказали влияние предыдущие опыты Жуковского в интерпретации античных сюжетов: переводы из античной лирики (перевод второй оды Сапфо и оды Горация «К Делию»), баллады о Троянской войне («Кассандра», «Ахилл», Торжество победителей»), баллады на сюжеты из греческой истории и мифологии («Ивиковы журавли», «Поликратов перстень», «Жалоба Цереры», «Элевзинский праздник»), переводы фрагментов из античного эпоса («Цеикс и Гальциона», «Разрушение Трои», «Отрывки из “Илиады”») и драмы («Царь Эдип»). Творческие открытия Жуковского в «античных» балладах оказались близки осмыслению мифологического материала при переводе «Одиссеи» Гомера. Использование составных эпитетов, славянизмов, лексических повторов, междометий, олицетворений, а также христианское осмысление античных тем и образов широко и многообразно воплотилось в переводе итоговой «Одиссеи».

В **Заключении** подводятся итоги исследования и намечаются дальнейшие перспективы изучения творчества Жуковского.

В настоящей работе творчество Жуковского исследовано в русле актуальных вопросов литературоведения о претворении традиций греко-римской античности в русской литературе. В качестве перспективы изучения творчества Жуковского можно указать на трансформацию мифологических сюжетов в произведениях поэта под влиянием христианской этики и аксиологии и на проникновение христианских идей в ткань русского перевода «Одиссеи».

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

в изданиях, рецензируемых ВАК:

1. Куйкина, Е. С. «История» Геродота как источник сюжета баллады Ф. Шиллера «Поликратов перстень» и перевод В. А. Жуковского [Текст] / Е. С. Куйкина // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — Сер. : Литературоведение. — 2013. — № 4 (2). — С. 85-88.
2. Куйкина, Е. С. Античные сюжеты из «Мифологической библиотеки» Аполлодора в творческом восприятии В. А. Жуковского [Текст] / Е. С. Куйкина // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. — Сер. : Общественные и гуманитарные науки. — 2016. — № 1 (154). — С. 88-92.
3. Куйкина, Е. С. Замысел «античных» баллад в планах В. А. Жуковского 1814 года [Текст] / Е. С. Куйкина // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. — Сер. : Общественные и гуманитарные науки. — 2016. — № 3 (156). — С. 91-96.

в других изданиях:

4. Куйкина, Е. С. Баллада В. А. Жуковского «Ахилл» [Текст] / Е. С. Куйкина // Научно-исследовательская работа студентов : материалы 56-й научной студенческой конференции / ПетрГУ. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2004. — С. 168-169.
5. Куйкина, Е. С. Греческие источники баллады В. А. Жуковского «Ахилл» [Текст] / Е. С. Куйкина // Россия и Греция : диалоги культур : материалы I Международной конференции. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2007. — Ч. 2. — С. 261-265.
6. Куйкина, Е. С. Античная традиция в балладе В. А. Жуковского «Ивиковы журавли» [Текст] / Е. С. Куйкина // EXPERIMENTA LUCIFERA : материалы V Поволжского научно-методического семинара по проблемам преподавания и изучения дисциплин классического цикла. — Н. Новгород : Изд. Ю. А. Николаев, 2007. — С. 171-176.
7. Куйкина, Е. С. Античный план в балладе В. А. Жуковского «Жалоба Цереры» [Текст] / Е. С. Куйкина // Рецепция античного наследия в русской литературе XVIII—XIX вв. : сб. ст. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2008. — С. 130-142.
8. Куйкина, Е. С. Баллада В. А. Жуковского «Кассандра» [Текст] / Е. С. Куйкина // Рецепция античного наследия в русской литературе XVIII—XIX вв. : сб. ст. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2009. — С. 141-149.
9. Куйкина, Е. С. О некоторых жанрово-стилистических особенностях баллады В. А. Жуковского «Элевзинский праздник» [Текст] / Е. С. Куйкина // Классицизм и неоклассицизм в русской литературе XVIII—XIX вв. : сб. ст. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2011. — С. 204-215.
10. Куйкина, Е. С. Классический эпос и романтическая баллада в творчестве В. А. Жуковского [Текст] / Е. С. Куйкина // Классицизм и неоклассицизм в русской литературе XVIII—XIX вв. : сб. ст. — Вып. 2. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2012. — С. 88-102.
11. Куйкина, Е. С. Славянизмы в античных балладах В. А. Жуковского [Текст] / Е. С. Куйкина // Духовные начала русского искусства и просвещения : материалы VIII Международной научной конференции «Духовные начала русского искусства и просвещения» («Никитские чтения»). — Великий Новгород : Изд-во НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2013. — С. 113-117.

12. Куйкина, Е. С. Жанр истории в балладе Ф. Шиллера и В. А. Жуковского «Поликратов перстень» [Текст] / Е. С. Куйкина // Античные Жанры в развитии русской литературы XVIII—XIX вв. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2014. — [Ч. 1]. — С. 38-51.

13. Куйкина, Е. С. Классический эпос и баллады В. А. Жуковского о Троянской войне [Текст] / Е. С. Куйкина // Античные жанры в развитии русской литературы XVIII—XIX вв. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2014. — Ч. 2. — С. 55-70.

14. Куйкина, Е. С. Гомеровский эпос в балладе Ф. Шиллера «Торжество победителей» и перевод В. А. Жуковского [Текст] / Е. С. Куйкина // Актуальные проблемы классической филологии : материалы Всероссийской научной конференции / М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования Петрозавод. гос. ун-т. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2016. С. 45-57.